

Русь) и юго-восточных славян, народов Кавказа (Армении, Грузии). Однако наиболее свободные от религиозной догмы и подчеркнутого благочестия моральные суждения и оценки содержались не в «Хронографиях», ученых трактатах или традиционных жанрах светской литературы. Они формулировались в устной, фольклорной традиции, половицах и сказках. В коротких сатирических повестях высмеивались пороки господствующих сословий, получали подкрепление простые нормы морали. Резко противостояли ортодоксальной религиозно-этической концепции еретические моральные проповеди, призывавшие к возвращению апостольской простоты нравов, выдвигавшие требования «Чистоты истинной веры» (павликиане, богомилы). Отрицание религиозной обрядности, таинств, догматизированной символики и утверждение в той или иной форме идеи социального равенства поднимали на борьбу с феодалами крестьянские массы и городскую бедноту (восстание Фомы Славянина, движение зилотов).

Утопический, обращенный в прошлое социально-нравственный идеал народных масс и поиск новых моральных идей на основе освобожденной от религиозной опеки философии в истории Византии остались разделенными. Незавершенность развития феодальных отношений проявилась и в незавершенности антифеодальной идеологии. Однако духовное наследие Византии обнаружилось в последующую эпоху не только в ужесточении догматического богословия в Московской Руси, но и в ереси Феодосия Косого, и в борьбе итальянских гуманистов против религии и церкви.